

07239567

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ПИМЕНОВА
Марина Владимировна

КОНЦЕПТЫ ВНУТРЕННЕГО МИРА
(русско-английские соответствия)

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург
2001

Диссертация выполнена на кафедре исторического языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета

Официальные оппоненты: - доктор филологических наук,
профессор К.А. Рогова

- доктор филологических наук,
профессор Л.Г. Панин

- доктор филологических наук,
профессор А.Н. Тихонов

Ведущая организация - Владимирский государственный педагогический университет

Автореферат разослан « ____ » _____

Ученый секретарь
диссертационного Совета,
д.ф.н.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000052717

С.А. Аверина

Внутренняя и внешняя жизнь человека, ценности материальной и духовной жизни, отношения между людьми и отношение к себе - все эти явления так или иначе обозначаются в языке, создавая образ общества и образ индивида - носителя определенного языка. Языковая специфика интерпретации своего внутреннего мира носителями языка является ценным источником информации об отражении *себя* как субъекта и объекта познания и своеобразным фоном для выявления "человеческого фактора" в языке.

Объектом изучения данной работы являются фрагменты концептуальных систем языковых (русской и английской) наивных картин внутреннего мира человека. Изучение заключается в исследовании концептов сферы внутреннего мира человека. Под концептом понимается национальный ментальный образ, некая идея, которая имеет сложную структуру представления, реализуемую различными языковыми средствами. Концептуальное значение выражается в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц. Концепт – это первосмысл; это категория, близкая к символу. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В концепте заключаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. Полное и системное исследование наивной картины внутреннего мира возможно путём постепенного и последовательного изучения фрагментов этой картины.

Актуальность работы определяется необходимостью исследования когнитивных аспектов языка, в частности, концептуального представления внутреннего мира. Отдельные вопросы, посвященные рассмотрению тех или иных концептов сферы внутреннего мира, поднимались в работах Н.Д.Арутюновой, А.Вежицкой, В.В.Колесова, Е.С.Кубряковой, В.Н.Телии и других лингвистов.

На современном этапе развития лингвистики появилась необходимость исследования языковой наивной картины внутреннего мира, т.е. отображения себя как объекта познания. Исследователи сходятся во мнении, что внутренний мир каждого человека (независимо от его языковой принадлежности) является индивидуальным, и пытаются найти основы того, что объединяет носителей языка. Решение этого вопроса, вероятно, возможно после изучения всех или многих "компонентов" внутреннего мира носителей определённого языка.

Научная новизна заключается в сопоставительном и типологическом исследовании концептов сферы внутреннего мира. Как представляется, использование этих методов позволяет определить специфические характеристики концептуальных систем внутреннего мира в сравниваемых языках.

Исследования фрагментов концептуальной системы внутреннего мира с точки зрения отображения в лексической семантике и языковых конструкциях специфики этого мира с использованием сопоставительного и типологического методов в современной лингвистике не проводились, языковая наивная картина внутреннего мира фактически не исследовалась. Процессы семантического переосмысления рассматриваются на лингвокогнитивном уровне как способ концептуальной организации знаний в процессах семантического вывода.

Целью исследования является описание концептов сферы внутреннего мира человека. В соответствии с целью исследования в работе ставятся следующие задачи:

- установить языковую специфику структурирования концептов внутреннего мира;
- выявить наивные языковые представления о внутреннем мире, свойственные носителям русского и английского языков;
- представить в виде когнитивных моделей корреляции между концептуальными знаниями и процессами языкового представления фрагментов языковой наивной картины внутреннего мира;

- выявить соотношение на лексико-семантическом, фразеологическом и синтаксическом уровнях между лингвистическими и когнитивными структурами представления фрагментов внутреннего мира в русском и английском языках;
- показать этноспецифику языкового отражения концептуальных составляющих внутреннего мира человека;
- определить специфику концептов сферы внутреннего мира в рамках языковой наивной антропологии, языковой наивной анатомии, языковой наивной психологии.

В соответствии с задачами исследования основными методами исследования в работе выступают метод анализа словарных дефиниций, сравнительный метод, типологический метод, который заключается в выделении основных семантических признаков, характеризующих те или иные концепты; на основе обобщения комбинаций признаков определяется типология концептов сферы внутреннего мира человека; такие обобщённые типологические признаки служат базой для сопоставления изученных фрагментов наивных картин внутреннего мира сравниваемых языков. В работе используются дистрибутивный метод, заключающийся в анализе сочетаемостных свойств конкретной лексемы, и метод концептуального анализа, заключающийся, с одной стороны, в рассмотрении языкового выражения концептов, с другой стороны, - в реконструкции концептов и стоящих за ними фрагментов наивной языковой картины внутреннего мира человека с помощью культурно-языковых данных.

Материалом исследования являются конструкции с лексемами, обозначающими явления внутреннего мира человека. Базу исследования составили более 20 000 конструкций, собранные методом сплошной выборки из наиболее авторитетных одноязычных и двуязычных словарей и из классических английских и русских литературных источников.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что сочетание типологического, сопоставительного и лингвокогнитивного изучения наивных картин внутреннего мира способствует развитию нового направления в лингвистике - этногерменевтики. В рамках этого направления могут осуществляться исследования наивных языковых интерпретаций всех областей знания, а значит и фрагментов языковой картины мира с позиций синхронии и диахронии как одного, так и нескольких языков.

Результаты исследования могут быть использованы для решения таких теоретических проблем, как соотношение языка и культуры, языка и мышления, языка и наивного мировидения, рефлексии и саморефлексии в языке, соотношение научной и наивной языковых картин мира, а также для решения вопроса о роли языка в процессе познания.

Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов исследования в теоретических курсах по общему языкознанию, лексикологии русского, английского языков, лексикографии, спецкурсах по когнитивным и этногерменевтическим аспектам лингвистики. Значимость работы не ограничивается рамками лингвистического использования. Проведенное исследование может заинтересовать биологов, психологов, антропологов, философов, которые могут сравнить наивную языковую картину внутреннего мира человека с уже имеющейся современной научной картиной мира.

На защиту выносятся следующие положения:

- концептуализация внутреннего мира представляет собой осмысление его фрагментов, которое объективируется в виде соответствующих языковых единиц. Концептуальные структуры знаний о внутреннем мире эксплицируются в системных парадигматических и синтагматических связях данных языковых единиц;

- концептуализация знаний носителей языка о внутреннем мире осуществляется по когнитивным моделям представления знаний, отражённых в языке;
- благодаря регулярной закреплённости в процессах номинации определённых семантических отношений, возможно выделить концептуальные метафоры, которые представляют собой когнитивные модели;
- наивная картина внутреннего мира, отличаясь от научной картины, отражает логически непротиворечивые данные по языковой наивной антропологии;
- концептуальная система, относящаяся к сфере “внутренний мир”, отражает национальное своеобразие народа, его ментальность, специфику саморефлексии.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в виде докладов на международных научных и научно-практических конференциях (Кемерово 1992-2000гг.; Иркутск 1996-1999гг.; Тамбов 1998г.; Москва 1999г.); на всероссийских научных конференциях (Иркутск 1998г.; Томск 1999г.); на региональных учебно-методических конференциях и научных семинарах (Пенза 1998г.; Иркутск 1998г.; Томск 1999г.; Кемерово 1999г.); на научных конференциях (Кемерово 1998г.; Санкт-Петербург 2000-2001гг.), на кафедре исторического языкознания и славянских языков КемГУ (16 февраля 1999г.); на кафедре общего языкознания СПбГУ (22 декабря 1999г.), на кафедре русского языка СПбГУ (26 июня 2001г.). Содержание работы отражено в опубликованных статьях и в монографии “Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека”.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх частей, 9 глав, заключения, библиографии (416 наименований), списка использованных словарей и энциклопедий (43 наименования), списка источников фактического материала (38 наименований). В конце работы приводится 2 приложения – список концептов сферы внутреннего мира с соответствующими примерами из английского и русского языков.

Во введении обосновывается актуальность и научная новизна темы, определяются цели и задачи исследования, теоретическая и практическая значимость работы, материал и методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

Часть I "Языковая наивная картина мира, "внутреннего мира" и "внутреннего человека" состоит из трёх глав. С введением термина "языковая картина мира", под которым понимается совокупность знаний о мире, отраженных в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний, язык может рассматриваться как определённая концептуальная система и как средство оформления знаний о мире. Наличие в каждой языковой картине мира элементов, которые соотносятся с объективной реальностью, позволяет, до определённого момента, отождествлять эту картину мира с самим миром (Ясперс 1994). Исследователи зачастую говорят не о картине мира, а о самом мире, поскольку картина мира есть по существу то, каким нам видится этот мир.

Глава 1 "Языковая наивная картина внутреннего мира человека" посвящена рассмотрению языковой наивной картины внутреннего мира. В работах по исследованию языковой картины мира, основным является противопоставление *научной* парадигмы знаний, которая в совокупности образует научную картину мира, и *наивной* парадигмы знаний, которую человек использует относительно независимо от научных знаний. Модель мира, которая свойственна современному человеку, объединяет наивные и научные представления о мире.

В лингвистике возникла тенденция изучать наивные (обыденные) представления человека, как носителя определенного знания о мире, которые выражаются в языке, "скрываются" в значении языкового знака. Наивные представления носителей языка - это не что иное, как сложившаяся давно и сохранившаяся до настоящего времени картина мира (дополненная

ассимилированными знаниями), отражающая мировоззрение и мировосприятие, зафиксированная в языке, ограниченная рамками консервативной национальной культуры. Именно посредством изучения языка в виде исследования соответствующих концептуальных систем (в которых выражены знания об отдельных фрагментах языковой картины мира) возможно выявить то, что называется стихийной познавательной деятельностью носителей языка, образующейся в результате наивного (неспециализированного) познания мира (см.: Апресян 1995).

Анализ наивной картины внутреннего мира человека происходит на основе выделения языковых конструкций с лексемами, обозначающими те или иные явления этого мира. Ср.: "одной из насущных задач современной лексикологии, тесно переплетающейся с задачами, стоящими перед семантическим синтаксисом, является разработка такой типологии лексических значений, которая отражала бы их номинативный аспект, т.е. способность слов вычленять и называть элементы внешнего и внутреннего мира человека, используя тот или иной из существующих в языке способов семантической структуризации внеязыкового ряда" (Телия 1981).

На основе собранного фактического материала в виде конструкций с лексемами, обозначающими явления внутреннего мира, выявляются свойственные концептам таксономические характеристики и определяются по этим характеристикам общие типологические признаки анализируемых концептов. Так, в наивной языковой картине мира многим концептам приписываются признаки, свойственные живым существам, такие, как 'сон' (ср.: *усыпить совесть*; *to lull the conscience*), 'питание' (ср.: *духовная пища*; *spiritual food*), 'обладание голосом' (ср.: *the voice of conscience*; *голос совести*). Эти (и другие) признаки формируют типологию витальных признаков исследуемых концептов.

Многоаспектная типология способна отобразить наивную классификацию мира, представленную в языке, через анализ системно-таксономических тождеств и спецификаций, а также через способы идентификации явлений внутреннего (ненаблюдаемого) мира человека. Все типологические признаки исследуемых концептов обобщаются в 69 таблицах.

Наряду с представлением типологии концептов, в работе выделяются когнитивные модели и описываются структуры концептов внутреннего мира, свойственные сравниваемым языкам. Концепт имеет структуру представления знания в виде связанной схематизации опыта, в которой фиксируются прототипические знания о действительности и содержится основная информация о том или ином концепте. Концепты, относящиеся к сфере внутреннего мира, репрезентируются посредством свойственных другим концептам признаков (*широкая душа, тяжесть на сердце*) или посредством признаков национальной картины мира (*живой и бойкий русский ум*). Когнитивный подход к исследованию семантики слова заключается в изучении самого значения слова, в которое входят не только признаки, необходимые и достаточные для идентификации обозначаемого, но и наивные (обыденные) знания об обозначаемом. Такой комплексный подход к изучению лексического значения и его понятийного основания позволяет реконструировать концепт через его языковое выражение.

Полное и системное исследование наивной картины внутреннего мира возможно путём постепенного и последовательного изучения фрагментов этой картины. Под фрагментом наивной языковой картины внутреннего мира понимается совокупность моделей ментального и эмоционального мира человека, дающих разные интерпретации одного и того же концепта, свойственные определённой культурно-языковой общности. Анализируемые концепты представляют наивные (обыденные) знания о фрагментах внутреннего мира человека.

Наивные представления о человеке как о сложном образовании можно отыскать в «Упанишадах». Так, в Древней Индии существовало учение о Пуруше, которого можно назвать "внутренним человеком". Согласно толкованию Упанишад Пуруша - высшее "Я", "пребывающий в теле". В Библии, словами апостола Павла, прямо указывает на такое деление в человеке: "Посему мы не унываем, но если **внешний** наш человек и тлеет, то **внутренний** (выделено мной.- М.П.) со дня на день обновляется" (2-е Коринф., 4: 16) (**outward man** и **inward man** соответственно в английском). Предполагается, что в языке "внутренний человек" представлен по образу и подобию "человека внешнего". Такое подобие основывается на схожести действий, функций, проявляющихся в эмоциональном, ментальном и социальном их поведении. В наивной языковой картине мира человек представлен как симбиоз "человека внешнего" (тело) и "человека внутреннего". Такой дуализм природы человека отражается в языке в виде когнитивных моделей, фиксирующих эту двойственность. Многоликость "внутреннего человека" в определённой культуре позволяет говорить о его функциональной значимости для этой культуры.

Проведенный анализ концептов "внутреннего человека" показывает, что ни в русском, ни в английском языке нет общего слова для его обозначения. Ещё Э.Сепир (1993) заметил, что "чем более необходимым представляется носителям данной культуры проводить разграничение в пределах данного круга явлений, тем менее вероятно существование в их языке общего для них понятия. И наоборот, чем меньшее значение имеют некоторые элементы среды для данной культуры, тем больше вероятность того, что они покрываются единственным словом общего характера".

Сущность мышления состоит в рефлексии, т.е. в различении мыслящего и предмета мысли (см.: Гумбольдт 1984). Саморефлексия - это осознание *себя* как субъекта и объекта познания, это и есть самопознание, когда объект

познания и субъект познания являются тождественными. Ономаσιологический путь исследования: от внеязыковой реальности к способу ее номинации, позволяет учитывать не только образно мотивированные способы концептуализации обозначаемого, но и "место" знака в идеографическом пространстве языковой картины мира.

Глава 2 "Внутренний человек" и языковая наивная картина внутреннего мира" посвящена рассмотрению вопросов о способах формирования и развития языковых значений и форм. Слово в таком контексте выступает как символ, семиотическая формула того или иного мифологического образа.

Макроконцепт "внутренний человек" представляет собой сложный комплекс представлений о внутреннем мире. Под макроконцептом понимается сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями. Исследованию подвергаются концепты *душа, совесть, дух, воля, воображение, сердце, ум, soul, conscience, spirit, will, heart, mind*. "Внутренний человек" концептуализируется при помощи витальных, антропоморфных и зооморфных характеристик. Общее название "внутренний человек" для всех исследуемых концептов носит условный характер. Процесс концептуализации структурных признаков "внутреннего человека" происходит на базе имеющегося запаса знаний и представлений о человеке как живом существе: *человек дышит/ желает - душа дышит/ желает*. Физическим признаком "внутреннего человека" является 'витальность' (от лат. *vitalis* "жизненный"). Для концепта *сердце*, прототипически связанного с эмоциональной жизнью человека, свойственна когнитивная модель 'питание -> отрицательные эмоции' (ср.: *Злобою сердце питаться устало - Много в ней правды, да радости мало*. Некрасов).

В современной гносеологии существует мнение, что добытому (выводному) знанию свойственна эвристическая функция. Когнитивная обработка нового знания при его концептуализации происходит путём перенесения

"буквального" значения существующих языковых знаков и сопутствующих им ассоциаций на другую область знания. Ассоциативные связи человеческого опыта предопределили соизмеримость "внешнего человека" и "человека внутреннего", а значит - и антропоморфные признаки последнего.

В структуру исследуемых концептов включаются гендерные признаки (*женское сердце; мужской ум*), эмоциональные признаки: 'веселье' (ср.: *exuberant high spirits* "безудержное веселье"), 'страдание' (ср.: *сердечные страдания*), 'волнение' (ср.: *His imagination was perturbed by the story; рассказ взволновал его воображение*), 'гордость' (ср.: *гордость в сердце; a prouder-hearted man* "гордый человек"). Эмоциональных признаков у анализируемых концептов в русском языке было выделено почти в два раза больше, чем в английском, что отражает, вероятно, свойства национального характера носителей русского языка посредством особой концептуализации своего внутреннего мира.

У "внутреннего человека" отмечаются различные ментальные признаки например, 'знание' (ср.: *learn it by heart* "наизусть"; *co-весть, con-science*, букв. "совместное знание"), 'творчество' (ср.: *inventive mind; изобретательный ум*), 'мышление' (*what the heart thinks the tongue speaks* "что на уме, то и на языке").

Среди всех, присущих "внутреннему человеку", признаков наиболее показательными выступают его социальные характеристики, т.е. такие показатели социального поведения, как 'свобода' (*свободный дух; free-heartedly*), 'воспитание' и 'образование' (*the education of the will; воспитание воли*), 'виновность' (*guilty conscience; guilty spirit*); 'смелость' (*a bold spirit*); 'труд', 'лень' (*Не позволяй душе лениться, ...Душа обязана трудиться...* Н.Заболоцкий); 'игра' (*игра воображения/ ума*); 'бедность' (*poor in spirit; нищие духом; скудоумие*) и др.

Духовная шкала ценностей в русском языке представляет наделение душой и умом человека как даром, наравне с талантом (ср.: *Трудно поверить, до каких*

мелочей мог доходить человек, одаренный впрочем талантом и душою. Пушкин). Среди социальных признаков концептов выделяется особая, предполагающая положительное качество от рождения (*благородная душа; a noble spirit; благородный дух; noble heart; сердце благородное*). Шкала ценностей в сравниваемых наивных языковых картинах мира сближает положительную оценку с материальными ценностями (*a heart of gold; золотое сердце*).

Обращает на себя внимание наличие большого количества социальных признаков у концепта *conscience* (*совесть*) в английской языковой наивной картине внутреннего мира; отсюда вывод: деятельность носителя английского языка ориентирована преимущественно на социум, на общественное мнение; это подтверждается существующим в английском языке выражением *public conscience* "общественное сознание" (букв. общественная совесть). У носителей русского языка концепт *совесть* обладает наименьшим (по сравнению с другими концептами) количеством социальных признаков, что предполагает первичную ориентацию на индивидуальную оценку собственных поступков.

Наивные представления о реалиях внутреннего мира отражают архаические языческие воззрения на природу человека. Во многом эти взгляды носят символический характер и могут интерпретироваться только сквозь призму древних религиозных верований. Не все проявления "внутреннего человека" моделируются по антропоморфным признакам. Большая часть витальных признаков актуализирует признаки живых существ, отдельные свойства которых непосредственно или опосредованно указывают на зооморфные характеристики некоторых проявлений "внутреннего человека". Они распадаются на три группы: одни признаки типологически классифицируются как присущие животным (анимализм); другие - насекомым (энтомологизм) и третьи - птицам (орнитологизм).

Часть закреплённых в русском языке сочетаний концептуализирует *совесть* через образ мифологического зверя, на это указывает состав предикатов (*грызть, кусать, вонзать зубы; впиваться когтями в душу, скрестить; совесть заела*). Неосвоенное (непознанное) пространство внутреннего мира в обыденном сознании всегда понимается как чуждое, заполненное хтоническими существами. В английских наивных представлениях у концепта *conscience* (*совесть*) отмечаются черты насекомого или червя (ср.: *His conscience stings him*. Maugham, букв. совесть жалит его, где *sting* - укус насекомого; *pricks of conscience*, где *pricks* "уколы"; *the worm of conscience* "угрызения совести", где *worm* "червяк"; ср. рус.: *Змеи сердечной угрызенья*. Пушкин).

В русской языковой наивной картине внутреннего мира у концептов *душа*, *дух* и *сердце* выделены чётко не разграниченные, энтомологические или орнитологические признаки (ср.: *Если душа родилась крылатой...* Цветаева; *воспарить духом; Опять туда, туда тянулась душа моя, туда летели и думы мои, и сердце*. Горбатов).

Орнитологические признаки свойственны концептам *сердце* (*Сердце соколье, а смелость воронья*), *дух* (*И дух во мне, оживши, воскресился И к солнцу, как орёл, парил*. Тютчев), *ум* (*Страха связанным цепями И рожденным под жезлом, Можно ль орлими крылами К солнцу нам парить умом?* Державин. 1797), *воображение* (*Воображение реет и носится, как птица*. Тургенев. *Лес и степь; Как меткою стрелой Подстреленный орёл, без крыл воображение*. Некрасов), *совесть* (...Где *совесть*, словно горлица, воркует И бьётся сердце в розовом огне. А.Головина; *Смилуйся государыня совесть, Спрячься на грудь мне как страус*. А.Вознесенский), *mind* (*the vulture of mind* "мысли, терзающие мозг", где *vulture* "ястреб"). Орнитологические признаки более свойственны концептам внутреннего мира в русском языке. Такие признаки отмечены у концептов *душа*, *дух*, *сердце*, *совесть*, *воображение* и *ум*. В английском орнитологические признаки встречены только у концепта *mind*.

Когнитивные модели 'энтомологизация' и 'орнитологизация' у концептов *душа*, *дух* и *сердце* в русской и у концептов *conscience* (*совесть*) и *mind* (*ум*) в английской языковых наивных картинах мира, представляющие признаки насекомых и птиц, является своего рода вариантом мифологической модели, а метафоры и фразеологические обороты выступают как фрагменты архаических знаний, зафиксированных в виде устойчивых языковых форм.

Исходя из основных выделенных типологических признаков, прототипическое значение 'внутренний человек' в русской языковой наивной картине внутреннего мира наиболее полно представлено у концептов *душа*, *дух*, *сердце* и *ум*. Специфическим для народных воззрений в России является выделение особых признаков у этих концептов, по которым можно определить национальную принадлежность человека (*щедрая русская душа*; *русский бесстрашен духом*; *жалостливое русское сердце*; *изобретательный русский ум*). В английской языковой картине внутреннего мира такие признаки отмечены у концептов *spirit* (*дух*), *heart* (*сердце*) и *mind* (*ум*).

В главе 3 "Внутренний человек в системе внутреннего мира" описываются качественные, дименсиональные, количественные признаки концептов, а также характеристики 'отторжимости/ неотторжимости' в сравниваемых языках.

При передаче нюансов эмоциональной и ментальной деятельности человека наблюдаются общие закономерности отражения этой деятельности, указывающие на схожесть процессов переосмысления ненаблюдаемого, но осознаваемого и относительно четко разграничиваемого на две сферы: сферу эмоций и сферу интеллектуальных проявлений.

Под дименсиональными характеристиками "внутреннего человека" понимаются различного рода его измерения: размер, объем, вес (от англ. *dimension* "измерение"). Структуры концептов, включающие признак 'размер' "внутреннего человека", формируются согласно единой когнитивной модели: 'размер выше нормы -> положительная оценка' (ср.: *big heart*; *великодушный*

человек) vs.: 'отклонение от стандарта в сторону уменьшения -> отрицательная оценка' (ср.: *мелкая душонка*; *small mind* "ограниченный ум").

В свою очередь, концептуальная метафора 'веса' основывается на когнитивной модели 'лёгкость, невесомость "внутреннего человека" -> положительно оцениваемое эмоциональное состояние' (ср.: *С легкой душой*; *с легким сердцем*; *with a light heart*); vs. 'тяжёлый вес "внутреннего человека" -> отрицательно оцениваемое эмоциональное состояние' (с *тяжелым сердцем*; *heavy-hearted* "печальный").

В таблице 1 обобщаются дименсиональные признаки, свойственные "внутреннему человеку". Выделенные признаки тех или иных концептов помечаются в таблице знаком '+', где левый знак соответствует данным русского языка, правый - через знак '/', соответствует данным английского языка. Знак '-' указывает на то, что среди собранного языкового материала примеры с соответствующими признаками не отмечены.

Таблица 1

Дименсиональные характеристики "внутреннего человека"

"Внутренний" человек Дименсиональные характеристики	Душа/ Soul	Совесть/ Conscience	Дух/ Spirit	Воля/ Will	Воображение/ Imagination	Сердце/ Heart	Ум/ Mind
'Объём'	+/-	-/-	+/-	-/-	+/+	+/+	+/+
'Размер'	+/-	+/+	-/+	+/-	-/-	+/+	+/+
'Вес'	+/-	+/+	+/-	-/-	-/-	+/+	+/+

Анализ качественных характеристик, включенных во структуры исследуемых концептов, помогает обозначить границы обусловленности качеств предметного ряда и явлений внутреннего мира. Переносимые из области внешнего мира признаки концептов *душа* в русском и *spirit* (*дух*) в английском языках, связанные с температурными метафорами, переносятся из области устройства физического мира во внутренний мир. Отсюда - схожие концептуальные метафоры и положительные коннотации, свойственные лексемам *душа* в русском языке и *spirit* (*дух*) в английском.

В русской наивной языковой картине внутреннего мира для когнитивной модели 'исправление нравственного состояния запятнавшего свою *совесть* человека' свойственно сакральное действие - 'очищение' (ср.: *смыть с себя пятно позора, отмыться от грехов, духовно очиститься*), для соответствующей английской когнитивной модели характерно телесное (врачующее) действие (ср.: *to salve one's conscience*, где *to salve* "исцелять").

В русском языке внутреннее пространство другого человека осваивается по подобию физического пространства (ср.: *завоевать чье-л. сердце*). Глагольные метафоры при лексеме *сердце*, употребляющиеся для описания таких ситуаций, передают характер военных действий, а также их последствия (ср.: война - завоевание - обладание). Прототипически это связано с когнитивной моделью 'вторжение в "чужое" внутреннее пространство'.

Концептам *душа* и *soul* свойственны признаки 'ценность' и 'товар': *душу* можно *продать/заложить* или *обменять* на какие-либо материальные ценности (*to sell the soul for success* "продать душу за успех"). Как представляется, когнитивная модель целостности внутреннего пространства является основой для создания подобных метафор: *душа/ soul* - неотъемлемая часть этого пространства.

Прямая оценка чаще встречается в английской наивной языковой картине мира. Оценка производится по двум шкалам: 'хороший - плохой' и 'правильный - неправильный'. Для носителей английского языка важна как моральная (по шкале 'хороший - плохой': *to be in good spirits*), так и рациональная (по шкале 'правильный - неправильный': *to take smth in the right /wrong/ spirit*) оценка "внутреннего человека". Наличие оценки подразумевает существование "ценностной картины мира", сосуществующей с предметной, и соответствующих стереотипов. В русском языке оценка специфическим образом соотносится с классификацией по значимости функций "внутреннего человека". Выбор оценочных средств определяется местом объекта оценки во

внутренней картине мира. Концепты *spirit*, *mind* и *conscience* предполагают как моральную, так и рациональную оценку, концепты *душа*, *совесть*, *сердце* - только моральную оценку в языковых наивных картинах внутреннего мира.

Среди качественных характеристик "внутреннего человека" можно выделить особую классификацию по шкале 'свой/ чужой'. Языковая схема 'свой + "внутренний человек"' постулирует положительные коннотативные признаки с точки зрения освоенности собственного внутреннего пространства. Обратная языковая схема 'чужой + "внутренний человек"' выявляет признаки нейтрального отношения вследствие малой значимости и неизвестности чужого пространства.

Признаки 'отторжимости/ неотторжимости' "внутреннего человека" актуализируются посредством признаков его 'существования' ('обладание', 'присутствие', 'наличие') или 'несуществования' ('отсутствие', 'исчезновение', 'потеря'): *иметь доброе сердце; to have a kind heart; потерять совесть; to lose one's conscience*.

При описании витальных признаков "внутреннего человека" используются концептуальные метафоры, основанные на когнитивной модели 'живое существо -> внутренний человек'; антропоморфных признаков - на основе когнитивной модели 'человек -> внутренний человек', зооморфных признаков - на основе когнитивной модели 'животное/ насекомое/ птица -> внутренний человек'. Для передачи качественных характеристик "внутреннего человека" используются метафорические переносы из сферы физической в мир внутренний. Такие качественные характеристики контаминируются с оценкой.

Как показали исследования комплекса понятий, связанных с макроконцептом "внутренний человек", русский и английский языки позволяют определить относительно чёткие границы знаний о своем внутреннем мире; эти знания, в свою очередь, включают в себя весь внеязыковой опыт соответствующего

языкового коллектива, осуществленный в виде интроспекции многих поколений, выраженный в языковой информации о концептах.

Часть II “Языковая наивная антропология” посвящена анализу фрагментов наивной языковой антропологии в рамках общей языковой наивной картины внутреннего мира человека, где отражены некоторые обыденные представления о “внутреннем человеке” и его фундаментальных способностях.

В главе I “Фундаментальные способности “внутреннего человека” рассматриваются концепты органов чувств “внутреннего человека”, которые далее называются органами саморефлексии: *сердце, нутро, чутьё, нюх, голова, мозг(и), душа, инстинкт, ум, рассудок, разум, память, интуиция, heart, inside, scent, head, brain(s), instinct, mind, reason, memory, intuition* и др. Языковая наивная антропология отличается от научной прежде всего по набору органов саморефлексии и приписываемых им функций. Концепты органов саморефлексии подразделяются на два типа: материальные (реально существующие) и идеальные (воображаемые).

Критериями для отбора концептов, соответствующих статусу ‘орган саморефлексии’ выступают: “1) функция; 2) физические, в частности, болевые ощущения; 3) возможность мыслиться как вместилнице; 4) компактность; 5) относительно точная локализация; 6) функционирование независимо от воли субъекта; 7) контролируемость субъектом” (см.: Урысон 1995).

Наряду с вышеупомянутыми используются два дополнительных (собственно языковых) критерия: 1) Способна ли соответствующая лексема выступать в форме творительного инструментального: чем? (по аналогии: зрением, слухом, обонянием, осязанием, вкусом; *by heart*); при помощи чего? (*сердца, интуиции, ума, чутья, мозгов* (разг.), *памяти*); 2) Сочетается ли соответствующая лексема с глаголом *напрячь* (по аналогии со зрением и слухом). Это позволяет разграничить бессознательные ощущения/ чувства от

сознательных, контролируемых явлений (ср.: *напрячь ум/ памяти/ мозга*, но **напрячь интуицию/ нутро*).

Анализ словарных дефиниций лексем, обозначающих органы саморефлексии, показал, что большинство из них определяется посредством гиперонима 'способность', но в наивной языковой картине внутреннего мира человека органы саморефлексии корректнее определять гиперонимом 'предназначение' (ср.: *душа* - орган, предназначенный в наивных представлениях для восприятия и саморефлексии эмоциональных переживаний субъекта; *ум* - орган, предназначенный для совершения ментальных операций и для саморефлексии ментального состояния субъекта и т.д.).

При концептуализации эмоциональных проявлений в сравниваемых языках обычно используется две когнитивные модели: 'эмоции -> повышение температуры' и 'эмоции -> огонь', которые свойственны для концептов *душа* и *сердце* в русском языке (*Не столь мгновенными страстями Пылает сердце старика, Окаменелое годами. Пушкин*). Другими словами, модель физического мира - 'солнце и весь мир вокруг него' соответствует когнитивной модели мира внутреннего в русском - 'душа и весь внутренний мир вокруг неё' или когнитивной модели, свойственной сравниваемым языкам - 'сердце/ heart и весь внутренний мир вокруг него', где 'солнце - тепло, свет', 'душа/ сердце - тепло, свет - эмоции'.

Концепты *инстинкт*, *интуиция* в русской языковой картине мира, концепты *instinct*, *reason* и *intuition* в английской представляют неосвоенную область внутреннего мира. Для английской наивной картины внутреннего мира не свойственно приписывание каких-либо функций *soul* (*душа*) в рамках саморефлексии; это позволяет сказать, что концепт *soul* "душа" не имеет прототипического значения "орган саморефлексии".

Типологическая классификация концептов органов саморефлексии проводится в соответствии с указанными в критериях. Концептуальная система

внутреннего мира человека предполагает использование языковых схем, существующих в сравниваемых языках для описания реально существующих (материальных) органов, среди таких схем можно назвать следующие: 'орган саморефлексии - физические ощущения' (*сердце/ нутро болит; heart-ache; headache* "головная боль"), 'орган саморефлексии - вместилище' (*хранить/ держать в голове; to keep smth. in one's head*); при этом для английского свойственны специфические когнитивные модели, например, '*mind* (ум) -> вместилище эмоций' (*Many anxieties occupied his mind*, букв. тревожнения заполнили его ум), 'движение по кругу' (*his brain reeled at the thought* "от этой мысли у него голова пошла кругом", где *brain* "мозг"), а в русском языке используются когнитивные модели 'нарушения в функционировании мозга -> изменение традиционной локализации/ усталость' (*мозги набекрень; утомленный мозг*); 'орган саморефлексии - функционирование независимо от воли субъекта' (*сердцу не прикажешь*); 'орган саморефлексии - инструмент восприятия' (*бы тетору; понять своим умом*), 'орган саморефлексии - контролируемое состояние' (*напряги свой ум; use your brains*).

В главе 2 "Концепты органов саморефлексии" рассматриваются витальные, антропоморфные и зооморфные признаки соответствующих концептов.

"Ингерентные характеристики концептов органов саморефлексии" (глава 3) рассматриваются в виде дименсиональных, квалитативных, квантитативных признаков и признаков 'отторжимости/ неотторжимости' концептов. Метафора выступает одним из наиболее продуктивных механизмов формирования языковой картины внутреннего мира. Сфера обозначения непредметных сущностей пополняется за счёт метафорического смыслопроизводства.

Отмечены такие дименсиональные признаки концептов материальных органов саморефлексии, как 'объём' (*a head full of silly notions* "голова, забитая нелепыми идеями"), 'размер' (*человек большого сердца; big-hearted*), 'вес' (*с тяжёлым сердцем; a heavy heart*). Концепты идеальных органов

саморефлексии определяются различными дименсиональными признаками: 'объём' (*Он душу младую в объятиях нес.* Лермонтов), 'размер' (*мелкая душонка; small mind*) и 'вес' (*с легкой душой; heavy mind* "неповоротливый ум").

'Измерение', как признак, не структурирует концепты *инстинкт, разум, интуиция* в русской языковой наивной картине внутреннего мира, в английской картине мира таким концептом является *instinct* "инстинкт".

Сопоставление количественных признаков концептов органов саморефлексии в сравниваемых языках позволяет установить наивные представления носителей этих языков о их количественных характеристиках. Имена концептов материальных органов саморефлексии в сравниваемых языках используются в форме единственного числа, либо признак 'единичность' подчёркивается при помощи описательных средств, актуализирующих положительные коннотации (ср.: *single heart* "прямодушие, честность"). Некоторые концепты материальных органов саморефлексии ассоциативно связываются с телесными характеристиками человека: то, что видимо, то количественно однородно; то, что скрыто и неоднородно (*мозг - brain*) - приобретает свойство 'дискретности' (*мозги - brains*).

Для передачи признака 'нарушение заданных свойств идеальных органов саморефлексии', в языке используется когнитивная модель 'количественные нарушения заданных свойств идеальных органов саморефлексии -> нарушение нормы'. Так, лицемерный и лживый человек обладает двумя душами (*двоедушие*), а 'трусость' определяется малым количеством души (*малодушие*).

Концепты *ум* и *mind* определяются количественными характеристиками (ср.: *to be in /of/ two minds* "находиться в нерешительности"; *задний ум* в выражении: *задним умом крепок*). Концепты *ум* и *память* в русском разговорном варианте могут иметь признак 'мало' (*Ума/ памяти почти не осталось*). Концепт *ум* возможно определять признаком 'неопределённое количество' (*Если бы у него было хоть немного ума...*).

В разделе “Характеристики ‘отторжимости/ неотторжимости’” рассматриваются признаки ‘существования/обладания’ и ‘отсутствия/ потери тех или иных органов саморефлексии’ в наивной картине внутреннего мира. Всеми перечисленными материальными органами саморефлексии человек может обладать (*иметь доброе сердце; to have a good heart; иметь тонкое чутьё на запахи; обладать тонким нюхом; to have a keen scent for smth; иметь голову на плечах; to have a good head on one’s shoulders; иметь хорошие мозги; to have a good brain*). При указании на признак ‘обладание органом саморефлексии’ языковая схема требует наличия особенного признака, качества такого органа, что подразумевает их индивидуальные характеристики у каждого человека.

В наивной языковой картине используется когнитивная модель ‘исчезновение какого-либо органа саморефлексии -> потеря закреплённой за этим органом способности’ (*потерять голову; lose one’s head*). Для сравниваемых языковых картин внутреннего мира существует особое явление – возвращение рассудка (*к нему вернулся рассудок; he was restored to reason*).

Таблица 2

Типология признаков ‘отторжимости/ неотторжимости’ концептов
идеальных органов саморефлексии

Концепты Признаки	Душа/ Soul	Инстинкт/ Instinct	Ум/ Mind	Рассудок/ Reason	Разум	Память/ Memory	Интуиция/ Intuition
‘Существование’	+/+	+/+	+/+	+/+	+/	+/+	+/+
‘Обладание’	+/+	+/+	+/+	+/+	+/	+/+	+/+
‘Потеря’	+/-	-/+	+/-	+/+	+/	+/-	+/-
‘Отсутствие’	+/+	-/-	+/+	-/-	+/	+/-	+/+

Если актуальный признак ‘существование материального органа саморефлексии’ реализуется в русском языке глаголами *иметь* и *обладать*, то признак ‘существование идеального органа саморефлексии’ дифференцируется по признаку ‘освоенности/ неосвоенности’ пространства внутреннего мира и ‘контролируемости/ неконтролируемости’ событий внутреннего мира. В

русском языке эта дифференциация отражена в использовании глаголов *иметь* и *обладать* по отношению к идеальным органам саморефлексии.

Языковая наивная антропология логична и практически непротиворечива. Вследствие развития общества и языка многое из этой картины вытесняется другими (научными) знаниями. Однако язык более консервативен, чем сознание его носителей; именно в языке мы находим те знания, которые соответствовали древнейшим (прототипическим) представлениям об устройстве внутреннего мира. Диффузность лексического значения некоторых номинаций явлений внутреннего мира в результате приводит к тому, что концепты *душа*, *ум* и *сердце* имеют прототипические значения 'внутренний человек' и 'орган восприятия (саморефлексии)' "внутреннего человека".

Часть III "Языковое наивное пространство внутреннего мира" посвящена рассмотрению различных способов обозначения пространства в языке. Категория пространства, являющаяся одной из основополагающих категорий познания бытия и объективного (физического) мира, сохраняет за собой такой же статус при познании мира внутреннего.

Глава I "Локализация в пространстве внутреннего мира" состоит из двух разделов. В разделе 1 выявляются признаки локализации "внутреннего человека" в пространстве внутреннего мира. В разделе 2 устанавливаются признаки локализации в пространстве внутреннего мира у концептов материальных и идеальных органов саморефлексии.

Локализация "внутреннего человека" обозначается внутренним пространством тела или его отдельным органом (например, кровь, грудь, голова). Референциально обозначенное пространство внутреннего мира актуально только в случаях его "заполнения" или "опустошения". Факт, что расположение "внутреннего человека" обозначается обязательно реально существующими локусами внутри тела, говорит в пользу предположения, что наивные взгляды,

зафиксированные языком, отражают некогда распространенные среди носителей языка наивные представления об анатомическом строении человека.

О месте расположения *души* прямых указаний в современном русском языке нет (за исключением выражения *душа ушла в пятки*). В русском языке существует лексема *нутро*, одно из значений которой - "душа его [человека], духовный человек (выделено мной. - М.П.), невидимая сущность его", а первичное значение "утроба и черева" (Даль 1996).

Для носителей русского языка свойственны народные представления о локализации *сердца*: "народ зовет сердцем ложечку, подложечку, подгрудную впадину, повыше желудка, где брюшной мозг (выделено мной. - М.П.), большое сплетение нервов" (Даль 1996). Ср. совершенно непротиворечивые определения в древнерусском и древнеанглийском языках лексемы *heorte* "сердце" означали "breast 'грудь', soul 'душа', spirit 'дух'; will, desire 'желание'; courage 'смелость'; mind 'ум', intellect 'интеллект'" (Hall 1996). Др.-рус. (с XIв.) *сърдьце* "внутренность", "сердце", "дух", "душа", "мысль", *сърдьчый* - "душевный" (Срезневский). Ср.: "Старшее значение слова, по-видимому, - 'то, что внутри' -> 'вместилище души'" (Черных 1993).

Лексема *сердце* имеет общий корень с лексемой *середина* и скорее значением последней и определяется (*сердце* в наивной картине внутреннего мира - это середина тела, середина корпуса, середина/ центр внутреннего мира человека). В английской картине мира лексема *heart* (сердце) имеет те же прототипические значения, что и в русской (*heart* = middle/ centre = сердцевина; ср.: в англосаксонской традиции *wamb* ("чрево") "stomach; bowels; heart (выделено мной. - М.П.); womb; hollow" (Hall 1996). В *сердце* локализуется и *совесть*, на что указывают косвенные признаки (ср.: *В бездействии ночном живей горят во мне Змеи сердечной угрызенья*. Пушкин; *his heart smote him* "он испытывал угрызения совести", где *heart* "сердце").

Локализация как признак определяется у концепта *spirit* (дух) в английском языке на основе дифференциального признака стихийной принадлежности воде (ср.: *to infuse spirit into smb* "воодушевить кого-л.", букв. влить). Для реализации признака 'локализация' у концептов внутреннего мира используется принцип 'матрёшка в матрёшке', ср.: *мысль* – в *уме*; *ум* – в *мозге*, *мозг* – в *голове* или *любовь* – в *душе*; *душа* – в *сердце*; *сердце* – в *груди*.

Глава II "Пространственная организация внутреннего мира" посвящена установлению типологических признаков внутренних пространств концептов и пространств внутреннего мира (реально существующих и мифологических).

В пространстве внутреннего мира горизонтальная ось 'впереди - позади' (фасадная ориентация) экстраполируется на понятие времени: впереди – будущее, позади (то, что за спиной) – прошлое (ср.: *Гляжу назад* – *прошедшее ужасно*. Лермонтов; *to look back* "оглядываться назад, кинуть взгляд в прошлое"). По этой аналогии в языке прошедшее время связывается с понятием 'путь' (прошлое/ прошедшее – пройденный путь). Будущее в пространственном отношении – впереди (*He was a man with no future before him*. Christie "он был человек без будущего", букв. без будущего перед ним). Пространственные предлоги часто выступают не в функции таксономии локативных отношений, а в функции определения временных пространств (локусов).

В сравниваемых языках пространственный признак 'впереди' не всегда передаёт явления будущего. Этот признак способен передавать и явления прошлого (ср.: *foregoer* – *предок*, *предшественник* "тот, кто был раньше по времени"). Жизнь осознаётся как движущаяся по направлению 'сзади -> вперёд', однако люди, которые жили раньше, находятся впереди того, кто живёт сейчас. Поэтому существует явление *наследия*. Те, кто живёт *после* предков (*потомки*), получают материальные и духовные плоды тех, кто жил *до* них; они *идут по их стопам*, следам (*на-след-ие пред-ков*).

В русской языковой картине мира прошлое возвращается *назад* (ориентир сохраняется - за спиной); оглядываются *назад* в прошлое. В сравниваемых языках события предстают в виде череды, что позволяет говорить о семантической соотнесенности категории пространства с категорией времени. Человек идёт по данной пространственной оси из прошлого в будущее: эта пространственная ось актуализирует понятие жизненного пути (линейное время). Однако люди, жившие ранее, на этой оси находятся впереди тех, кто живёт ныне. Жизнь поколений предстаёт как движение по кругу (циклическое время).

Пространство внутреннего мира может быть описано при помощи образа 'пути', по которому «движутся» объекты внутреннего мира. Движение во внутреннем мире представляется как: а) 'путь' по воде; б) 'сухопутное движение'. Концептуальная метафора 'движение по воде -> процесс неконтролируемого состояния' свойственна для сравниваемых языков (*Текли мысли, но их прервал звоночек*. Булгаков; *my brain swims with the thought* "у меня голова кругом идет от этой мысли", где *to swim* "плыть"). Концептуальная метафора 'сухопутное движение -> осознание чего-либо' используется в сравниваемых языках (*an idea came to his head*; *в голову пришла мысль*).

Концепты внутреннего мира могут метафорически описываться посредством физических природных явлений. В таких конструкциях используется концептуальная метафора 'движение стихии -> неконтролируемая ситуация' (*Какие-то странные мысли хлынули в голову заболевшему поэту*. Булгаков; *a gush of anger* "вспышка гнева", где *gush* "стремительный поток").

Другим косвенным признаком 'пути' и 'движения' по нему в пространстве внутреннего мира можно назвать концептуальную метафору 'трудность/препятствие'. В таких случаях когнитивная модель приобретает вид 'препятствие в движении -> трудная ментальная ситуация' (*запутаться в собственных мыслях*). Когнитивные модели, лежащие в основе представления

трудностей или препятствий во внутреннем мире, структурируются посредством кванторов 'легко/ трудно'. Такая модель получает вид 'трудности/ препятствия -> умственные усилия' (*легко угадать; трудно поверить*). В английском языке эта модель трансформируется в два варианта: а) 'препятствие -> эмоциональное состояние' (ср.: *take it easy* "не волнуйтесь") и б) 'трудности/ препятствия -> умственное усилие' (*it is difficult to imagine* "трудно вообразить"; *it is difficult to understand* "трудно понять"; *think hard*). Обращает на себя внимание разделение вариантов английской модели, в которых умственная деятельность квалифицируется как сложная (на что указывает квантор 'трудно - hard/ difficult'), а эмоциональная - как 'лёгкая', не требующая усилий.

Вертикальная ось 'верх-низ' в пространстве внутреннего мира концептуализирует две области этого мира в языке: (1) 'пространство внутри тела человека'; (2) 'пространство мифологическое'. В свою очередь, эти две области распадаются на конкретные внутренние пространства: (а) 'пространство внутри реально существующих частей тела' (*голова, сердце*); (б) 'пространство внутри идеальных (воображаемых) образований' (*ум, душа*).

Наивные представления о 'внутреннем пространстве тела' в сравниваемых языках членятся на два типа: а) представления о 'теле (в котором находится "внутренний человек") как о доме' и б) представления о 'теле как о временном обиталище' души (*Меж ними [умершими] есть один скелет - Он обладал моей душой. Лермонтов; absent in body, present in soul*).

Первый тип наивных представлений 'тело, как дом' в сравниваемых языках определяется рядом отличительных особенностей. Так, в русском языке все внутреннее пространство тела формирует образ 'дома'. Сосредоточенные в теле важные, с точки зрения наивных представлений, органы жизнедеятельности в русском языке осмысляются как некоторые пространства, которые "насекаются" объектами внутреннего мира (*в душе поселилась надежда; в сердце живёт любовь*). Метафора 'замка/ ключа' уже практически не осознаётся носителями

языка (*быть замкнутым*). "Верхними этажами" являются, согласно наивным воззрениям, *голова, ум и мозг*, которые описываются метафорами 'строения' (*крыша поехала "сумасшествие", чердак "ум"*). В английском такой образ формируется в рамках вертикальной оси (*upstet* жарг. "башка", букв. верхний).

Признак 'перенаселённость внутреннего пространства дома' можно выделить у концепта *голова*. Такой признак передается описательными способами (*Лоб широк, а в голове тесно*). Когнитивная модель 'строение' свойственна для концепта *голова*. При использовании такой модели у данного концепта проявляются отрицательные коннотации (*У него из голубятни голуби улетели; У него на вышке обстоит неблагоприятно*; см.: Даль 1998). Внутреннее пространство такого строения (дома) может иметь углы (ср.: *Разошелся ум по закоулкам, а в середине ничего не осталось, где закоулок "потайный или отдалённый уголок, тесный проход в каком-л. помещении"*).

Для английской языковой наивной картины внутреннего мира свойственны иные когнитивные модели внутреннего пространства тела человека. 'Обжитым' пространством внутри тела предстают *голова (head), ум (mind)*, концептуализация которых в английском языке происходит посредством признаков 'строения' (ср.: *the idea never entered my head* "эта мысль никогда не приходила мне в голову", букв. не входила; *But try to enter into my mind. Meredith* "постарайся понять меня"; ср.: *to bring home to smb.* "заставить кого-либо понять").

Для русской языковой картины мира существует особая концептуальная организация "своего" (обжитого) пространства - страны, государства, которые мыслятся как 'тело человека'. Важные пункты государства сравниваются с жизненно важными в наивной картине мира органами; ср.: *Питер - голова, Москва - сердце* (Даль 1998).

В главе III "Ингерентные характеристики пространств внутреннего мира" исследуются разного рода признаки этих пространств. Параметры, обозначающие переносные пространственные значения субъектов и объектов

внутреннего мира, сочетают в себе два аспекта - обозначение собственно приписываемого признака через обозначение оценки. С этим связана их способность выступать в двух структурах - денотативной и квалификативной, которые обычно реализуются одновременно, в пределах одной конструкции.

Пространство внутреннего мира может описываться посредством дименсиональных характеристик, которые выражаются при помощи различных языковых (вспомогательных) средств. Использование пространственных предлогов позволяет выразить абстрактные отношения между реалиями внутреннего мира, их пространственное и временное соотношение. Концепты сферы внутреннего мира имеют дименсиональные пространственные характеристики с позиций, когда пространственная характеристика (а) пересекается с оценкой, (б) интерпретируется как связанная с природой или происхождением. В концептуальной системе внутреннего мира вертикальная ось чаще актуализируется когнитивной моделью 'высота -> завышенная оценка' (*быть высокого мнения; to think highly; overestimate* "переоценивать").

Концептуализация пространства внутреннего мира может быть представлена когнитивной моделью 'движение + направление вверх', свойственной для описания 'мифологического пространства' внутреннего мира (*Чтобы сердцем взлетать во области заочны. Пушкин; His spirit rose* "у него поднялось настроение", букв. дух;) и 'пространства внутри тела' (*The praise flew to his head* "похвала вскружила ему голову", букв. влетела), и моделью 'каузировать движение + высота' (*to raise the soul* "возвышать душу", букв. поднимать).

'Низкое' в языке также ассоциируется с понятиями нравственности; 'низкое' связано антитезой с 'высоким': 'низкое' - плохое, не имеющее ценности в нравственной системе общества. Признак 'низкий' может быть включен в структуры различных концептов (*душа низменная; low-spirited* "подавленный"; *low-minded* "ограниченный, с узким кругозором").

При изменении в отрицательную сторону ментального или эмоционального состояния человека, фрагмент внутреннего мира описывается по модели 'движение + направление вниз'. Такая модель используется для описания двух типов пространств внутреннего мира: а) 'мифологическое пространство' (*дух мой упал; my spirit fell* 'у меня упало настроение', букв. дух) и б) 'пространство внутри тела' (*сердце в пятки ушло; down-hearted*).

В организации общей концептуальной системы человека наряду со структурным участвуют и иные типы концептуальных переносов, одним из которых можно назвать ориентационный. Внутреннее пространство в рамках вертикальной оси 'верх-низ' может описываться как имеющее 'глубину'. Метафора, используемая при описании признака 'глубина', основана на понимании мифологических пространств внутреннего мира как скрытых от взора, неизвестных по своим качествам и недоступных познанию (*в глубине души; from the bottom of one's heart* "искренне").

Ситуации ментального или эмоционального состояния человека передаются при помощи признака 'погружение' (*These words sank into her heart*. Fowles "эти слова запали ей в сердце" (ср. русский перевод); *This picture sinks into your imagination*. Christie "эта картина навсегда останется в памяти", букв. в воображении). Возможная интерпретация сочетания *мелкая душонка* в русском языке основывается не на маленьком ее 'размере', а на небольшом ее 'внутреннем пространстве', на невозможности "вместить" глубокие чувства.

Для передачи пространственных характеристик концептов внутреннего мира используются дименсиональные признаки 'широта' (*широта русской души; breadth of mind* "широта ума"), 'длина' (*короткая память; short memory*). 'глубина' (*в глубине сердца/ души; in the bottom of one's heart*). Носители русского языка используют признак 'ширина' для описания концепта *мозг* (*раскинуть мозгами*).

В русском языке концепт *душа*, которому приписывается признак 'иной национальной принадлежности', изменяет свои димENSIONАЛЬНЫЕ характеристики (*У немца/ француза ножки тоненьки, душа коротенька*). При изменении гендерных характеристик концепта *ум* меняются его пространственные признаки (*Волос долог, а ум короток*).

Формирование концептуальной системы языка представляет собой развитие структур понятий по линии от физического восприятия к духовным (ментальным) или социальным; причем последние могут также принимать активное участие в формировании концептуальных структур ментальных метафор (*властвовать умами*). Признаки вертикали пространства внутреннего мира связываются с этической стороной жизни человека, с категориями морали и нравственности, и опосредованно - с социальной жизнью человека (*власть – верхи*), где с понятиями *высокий* и *верх* связаны понятия *духовности* и *приближение к идеалу* (божественному), а с понятиями *низкий* и *низ* связаны осуждаемые в обществе состояния, действия и поступки.

На основе проведенного исследования вертикальной оси пространства внутреннего мира можно сделать вывод о высокой степени значимости этой оси, представленной в сравниваемых языках ориентирами 'верз-низ', дополненной третьей координатой 'глубина'. Вертикаль используется как в прототипных аксиологических метафорах, так и в структурировании мира согласно религиозным концепциям.

Пространство внутреннего мира может интерпретироваться посредством качественных характеристик 'полный' или 'пустой'. В наивных представлениях то, чем наполнено внутреннее пространство, и определяет эмоциональное или ментальное состояние человека (*И сердце, полно сожалений*. Лермонтов; *His heart was full of trouble*. Wilde "его сердце было полно тревоги"). В случае, если указанное внутреннее пространство определяется как 'пустое', то в языковой схеме 'концепт + пустой' актуализируются

отрицательные коннотативные признаки (*умственно опустошенный; empty-headed* "глупый, пустоголовый").

Гораздо чаще в сравниваемых языках для передачи качественных характеристик неосвоенных пространства внутреннего мира используются модели 'природная стихия -> объект внутреннего мира'. Значимые свойства природных стихий передают признаки или функции таких объектов (*Но скоро сей порыв чудесный Слабел в груди его молодой, И утомленный и немой, Он забывал огонь небесный.* Лермонтов; *to cloud the spirits* "омрачать настроение", где *to cloud* "покрывать тучами"; *his mind was clouded with suffering* "страдание затемнило его рассудок", букв. ум).

Важной и значимой в русской и английской культурах выступает стихия огня. Для сравниваемых языков свойственна когнитивная модель 'огонь -> проявление в пространстве внутреннего мира'; обычно данная модель предполагает наличие дополнительных коннотаций, а именно мелиоративную оценку такого проявления (...*В сердце его таилась искра того же чувства...* Пушкин; *the flame of his imagination* "пылкость его воображения", где *flame* "пламя"). Освоенность и неосвоенность пространства внутреннего мира отражаются в виде особого оформления соответствующих конструкций в рамках закреплённых за данным языком когнитивных моделей. Для этой области свойственен перенос признаков стихий из внешнего мира; такие признаки, в свою очередь, квалифицируются через оценочные коннотации.

В наивных языковых картинах внутреннего мира сравниваемых языков используются пространственные метафоры для выражения оценки. С понятием 'близкий' могут быть связаны не только положительные коннотации (ср.: *близкие люди*), но и отрицательные (например, в русском языке понятие *близорукости* "недальновидность, непроницательность", указывающее на расстояние "видения" размером с длину руки; в английском языке это ассоциируется с пространственным параметром узости: *narrow-sighted*). Крайняя

степень *недальновидности* в русском языке связана с еще меньшим расстоянием (*видеть не дальше своего носа*). С пространственным понятием 'дальний' связаны такие явления, как предварительное знание, предусмотрительность, опирающиеся на визуальное восприятие происходящего во внутреннем мире (*дально-видность; про-зор-ливость*). Лексемы *далеко* и *far* приобретают оценочный компонент (ср.: *он далеко не глуп; he is far from being a fool*).

Пространство внутреннего мира может быть описано через количественные характеристики. Пространство объективное (внешнее) и субъективное (внутреннее) в русской наивной картине внутреннего мира могут не разделяться в случаях, когда близкие люди *близки по духу* или *близки душами* (*Как правая и левая рука - Твоя душа моей душе близка. Цветаева*). Чаще актуальными бывают противоположные ситуации, когда близкие в пространственном отношении люди в духовном пространстве отдалены друг от друга (*Стремясь ускользающим взглядом К пределам безвестной земли, Дышали с тобою мы рядом, Но был я как будто вдали. Бальмонт*).

Концепты материальных органов саморефлексии в сравниваемых наивных языковых картинах описываются как локализуемые в пространстве внутреннего мира, так и в пространстве физического мира. Такое месторасположение может быть указано при помощи пространственных предлогов. В пространстве внутреннего мира, в свою очередь, орган саморефлексии может располагаться 'внутри тела' (*Ум не в бороде, а в голове*), 'во внутреннем пространстве чего-либо' (*голова в огне*), 'на поверхности чего-либо' (*to set one's brain on smth. "сосредоточиться на ч.-л."*)

Внутренний мир человека, вследствие своей особой природы (ненаблюдаемости, в первую очередь), в концептуальной системе наивной языковой картины мира предстает в виде зеркального (но не идентичного) отражения физического мира. Так, то, что объединяется общим прототипическим значением "внутренний человек", в английском и русском

языках концептуализируется через витальные, антропоморфные (гендерные, эмоциональные, ментальные и социальные), зооморфные (анималистские, орнитологические и энтомологические) признаки. Это один из основных способов постижения всего мира путём его членения и установления тождества между установленными компонентами. Подобное мышление строится на осознании единства внешнего и внутреннего мира при одновременном осознании объективности и субъективности их существования.

Для концептуальной системы "внутренний мир" актуальны такие оппозиции, как "внешнее/ внутреннее", "видимое/ невидимое", "явленное/ неявленное", "открытое/ закрытое", "реальное/ идеальное", "контролируемое/ неконтролируемое", "целенаправленное (волевое)/ спонтанное (стихийное)", "холистичное/ партитивное", "существование (наличие)/ отсутствие (потеря)" и др.

Идентификация - отождествление как основная операция моделирования концептов внутреннего мира, основывается на особой наивной классификации (которая ничем не уступает в сложности любой научной парадигме знаний, в чём-то даже превосходящая ее в детальности и конкретности описания) структуры этого мира и фрагментов; это прототипические способы осознания принципов организации внутреннего мира и функционирования его составляющих.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях:

1. Семантические классы и формальная характеристика ментальных глаголов в русском и английском языках// Языковая картина мира: Материалы Всероссийской научной конференции. - Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. - С.18-20.
2. Об употреблении ментальных глаголов английского языка в форме прогрессива// Современные проблемы гуманитарных дисциплин. Вып.2. - Кемерово: Кузбассвуиздат, 1996. - С.139-142.
3. Американская лингвистика: (Учебное пособие). - Кемерово: Кузбассвуиздат, 1996. - С.38-137. (в соавт. с В.В.Иваницким).
4. Ментальность: когнитивные и функциональные аспекты// Язык в эпоху знаковой культуры: Материалы докл. междунар. научной конференции. - Иркутск, 1996. - С. 107-108.
5. Ментальность: лингвистический аспект: (Учебное пособие). - Кемерово: Кузбассвуиздат, 1996. - 84с.
6. Когнитивные аспекты ментальности в русском языке// Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Тезисы II международной научной конференции. - Иркутск, 1997. - С.53-54.

7. Проблемы описания ментального мира// Межкультурная коммуникация: Тезисы докл. II-го русско-французского colloquiuma. - Иркутск, 1997. - С.57-59.
8. Лексикографическое описание ментально-эмоциональных глаголов// Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикологии: Материалы всероссийской конференции. - Томск: Изд. Томского ун-та, 1998. - С.81-83.
9. Этнориторические и этногерменевтические особенности ментальности в русском и английском языках// Этногерменевтика: грамматические и семантические проблемы. - Кемерово: Кузбассвуиздат, Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1998. (Серия "Этнориторика и этногерменевтика". Издатели: Е.А.Пименов, Х.Бартель. Вып.1). - С.11-18.
10. Языковая ментальность: русская и западная традиции// Славянский мир на рубеже веков: Мат. междунар. симпозиума. - Красноярск, 1998. - С.111-112.
11. Этногерменевтика и языковая ментальность// Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. - Бийск, 1998. - С.103-106.
12. Познавательная деятельность человека как фрагмент языковой картины мира// Теория и история германских и романских языков в современной выс-шей школе России: Мат. П науч.-практ. конференции. - Калуга, 1998. - С.83-84.
13. Лексические трудности перевода// Переводческие решения: проблемы и поиски. - Пенза: Изд-во ПДЗ, 1998. - С.72-76.
14. Отражение ментального мира человека в языковой картине мира// Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. Ч.II. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1998. - С.33-34.
15. Ментальный мир в наивной картине языка// Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Тезисы докладов и сообщений III международной научно-практической конференции. - Иркутск, 1998. - С.65-67.
16. Этногерменевтика ментального мира человека (сквозь призму языковой картины внутреннего мира)// Этногерменевтика и языковая картина мира: теория и практика: Тезисы докладов и сообщений I международной конференции. - Кемерово, 1998. (Серия "Этнориторика и этногерменевтика". Вып.2). - С.69-71.
17. Наивная языковая модель внутреннего мира человека// Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний: Материалы Всероссийской научной конференции. - Иркутск, 1998. - С.136-137.
18. Новообразования в русском языке и их истолкование// Этногерменевтика и языковая картина мира: теория и практика: Тезисы докладов и сообщений I международной конференции. - Кемерово, 1998. (Серия "Этнориторика и этногерменевтика". Вып.2). - С.57-58. (в соавт. с И.И.Никулиной).
19. Семантика метафоры и языковая ментальность// Материалы I регионального научного семинара по проблемам систематики языка и речевой деятельности. - Иркутск, 1998. - С.81-84.
20. Языковая ментальность: русская и восточно-азиатская традиции// Диалог культур народов России, Сибири и Азиатско-Тихоокеанского региона: Сборник материалов научной конференции. - Иркутск, 1998. - С.121-123.
21. Семиотика ментальных концептов// Семиотические проблемы лингвистики. - Кемерово: ИНТ, 1998. - С.94-100.
22. Метафора и языковая ментальность// Семантика и прагматика/ Отв.ред. В.А.Пищальникова. - Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. - С.12-16.
23. *Совесть* как составная часть внутреннего мира человека// Этногерменевтика: фрагменты языковой картины мира/ Отв. ред. Пименов Е.А., Пименова М.В. - Кемерово: Кузбассвуиздат, Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. (Серия "Этнориторика и этногерменевтика". Вып.3). - С.62-70.

24. Личное пространство и менталитет народа// Этногерменевтика: фрагменты языковой картины мира/ Отв. ред. Пименов Е.А., Пименова М.В. - Кемерово: Кузбассвуиздат, Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. (Серия "Этнориторика и этногерменевтика". Вып.3). - С.42-45. (в соавт. с Е.Камкиной).
25. Концепт "Мысль" в наивной картине внутреннего мира// Этногерменевтика: фрагменты языковой картины мира/ Отв. ред. Пименов Е.А., Пименова М.В. - Кемерово: Кузбассвуиздат, Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. (Серия "Этнориторика и этногерменевтика". Вып.4). - С.152-157.
26. Интерпретация языковых знаков// Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики. - Челябинск, 1999. - С.87.
27. Наивная топография и языковая картина внутреннего мира// Лингвистические парадигмы и лингводидактика. - Иркутск: С.109-110.
28. Этногерменевтика языковой ментальности// Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных языков в вузе.- С.-Петербург, 1999. - С.100-101.
29. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. - Кемерово: Кузбассвуиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. (Серия "Этнориторика и этногерменевтика". Вып.5). - 262с.
30. Безэквивалентная лексика: конфронтативные исследования// Актуальные проблемы сопоставительной лингвистики. - Ульяновск, 1999. - С.56-59.
31. Гендерное исследование мифологем// Гендер: язык, культура, коммуникация. - Москва, 1999. - С.78-79.
32. Внутренний мир человека в поэзии Клюева// Николай Клюев: образ мира и судьба. - Томск: Изд-во ТГУ, 2000. - С.139-141.
33. Семантика языковой ментальности и импликации// Филологические науки. 1999. № 4. - С.80-82.
34. Оценка концептов внутреннего мира человека в наивной языковой картине мира// Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивные аспекты. Вып. II. - Барнаул, 2000. - С.100-104.
35. Ключевые концепты сферы внутреннего мира// Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции. Секция общего языкознания. Часть 2. - С.-Пб, 2000. - С.56-57.
36. Пространственная организация сферы внутреннего мира человека в языковой наивной картине мира// Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции. Секция романо-германской филологии. Часть 2. - Санкт-Петербург, 2000. - С.14-16.
37. Беретативные признаки концептов внутреннего мира// Mentalität. Konzept. Gender/ Hrsg. von E.A.Pimenov, M.V.Pimenova. - Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000.- S.122-126. (Reihe "Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik". Bd. 7).
38. Гендерные признаки концептов внутреннего мира// Mentalität. Konzept. Gender/ Hrsg. von E.A.Pimenov, M.V.Pimenova. - Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000.- S.126-132. (Reihe "Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik". Bd. 7).
39. Категория "свой-чужой" и концепт личное пространство// Mentalität. Konzept. Gender/ Hrsg. von E.A.Pimenov, M.V.Pimenova. - Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. - S.152-153. (Reihe "Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik". Bd. 7). (в соавт. с Е.Камкиной).
40. Мифологемы в гендерном аспекте// Mentalität. Konzept. Gender/ Hrsg. von E.A.Pimenov, M.V.Pimenova. - Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. - S.204-219. (Reihe "Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik". Bd. 7).
41. Текст Библии: способы представления внутреннего мира// Филологический сборник/ Отв. ред. М.В.Пименова. - Кемерово: Изд-во КемГУ, 2000. - С.45-49.

Лицензия ЛР № 071467 от 11.07.97
Лицензия ПЛД № 44-12 от 10.11.99

Подписано к печати 7.09.2001. Формат 60х84^{1/16}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,3. Тираж 100 экз. Заказ № 627.

Издательство «Кузбассвуиздат». 650043 Кемерово, ул. Ермака, 7.
Тел. 23-34-48

1-